

На правах рукописи

Микуленок Юлия Андреевна

**ГОРОДСКАЯ ПОВСЕДНЕВНОСТЬ В РАННЕМ СОВЕТСКОМ
ОБЩЕСТВЕ В РАКУРСЕ ЖИЛИЩНОГО И ВНУТРИСЕМЕЙНОГО
КОНФЛИКТА (ПО МАТЕРИАЛАМ КОНТРОЛЬНЫХ ОРГАНОВ
КУБАНИ И ЧЕРНОМОРЬЯ 1920-х ГОДОВ)**

Специальность 07.00.02 – Отечественная история

Автореферат
диссертации на соискание ученой степени
кандидата исторических наук

Краснодар – 2016

Работа выполнена на кафедре новейшей отечественной истории
ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет»

Научный руководитель: **Рожков Александр Юрьевич**, доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры социологии ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет» (г. Краснодар)

Официальные оппоненты: **Морозова Ольга Михайловна**, доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры Связи с общественностью ФГБОУ ВО «Донской государственный технический университет» (г. Ростов-на-Дону)
Салфетников Дмитрий Анатольевич, кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры истории и политологии ФГБОУ ВПО «Кубанский государственный аграрный университет» (г. Краснодар)

Ведущая организация: Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Краснодарский государственный институт культуры» (г. Краснодар)

Защита состоится «5 июля» 2016 года в ___ часов на заседании диссертационного совета Д 212.101.03 по защите докторских и кандидатских диссертаций ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет» по адресу: 350040 г. Краснодар, ул. Ставропольская, 149. E-mail: dissovet.fismo@kubsu.ru

С диссертацией можно ознакомиться в научной библиотеке Кубанского государственного университета. Электронная версия автореферата размещена на официальном сайте ВАК Минобрнауки РФ: <http://vak.ed.gov.ru/> Диссертация и автореферат размещены на сайте Кубанского государственного университета: <http://www.kubsu.ru>

Автореферат разослан «___» _____ 2016 года

Ученый секретарь Совета по защите докторских и кандидатских диссертаций, кандидат исторических наук, доцент

П.П.Матющенко

1 ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность темы исследования. В последнюю четверть века в отечественной исторической науке закрепляет свои позиции методологический поворот в сторону истории повседневности. Сегодня в сферу исторических интересов входят не только проблемы политической, социально-экономической истории и истории культуры, но и повседневность «маленького» человека.

С возрастанием внимания к различным аспектам социальной истории актуализируется исследовательский интерес к реалиям жизни обычных людей – темам быта, семьи, воспитания, образования, досуга, жилища, эмоций и т.д. Фокусируя внимание на аспекте повседневности, исследователь способен приоткрыть «новые горизонты» исторического полотна. История повседневности позволяет взглянуть на изучаемую проблему глазами реальных свидетелей и участников тех или иных исторических процессов и событий.

Раннесоветский период вызывает повышенный интерес у части исследователей. 1920-е гг. – это время становления нового советского общества, период коренных преобразований во всех сферах человеческой жизнедеятельности. Это поистине революционный, переходный период, время динамичных и масштабных социальных изменений.

В отечественной историографии существует большое количество работ, посвященных НЭПу¹, однако многие исследователи обходили стороной тему повседневной жизни городского обывателя, в частности, такую проблему как жилищные конфликты. Исключение составляют работы Н.Б. Лебиной, С.В. Журавлева, М.Г. Мееровича, Г. Андреевского, Э.Н. Нежигай, В.И. Исаева, И.Б. Орлова, А.Ю. Рожкова и некоторых других авторов². Слабая

¹ Голанд Ю.М. Кризисы, разрушившие НЭП. М., 1991; Цакунов С.В. В лабиринте доктрины: Из опыта разработки экономического курса страны в 1920-е годы. М., 1994; Дэвис Р.У. НЭП: приобретения и потери / Р.У. Дэвис, В.П. Дмитренко, В.А. Мау. М., 1994; Щетнев В.Е. Кубань нэповская: историографические заметки // Кубань 1920-е годы : сб. науч. тр. Краснодар, 1996; Есиков С. Российская деревня в годы НЭПа. К вопросу об альтернативах сталинской коллективизации (по материалам Центрального Черноземья). М., 2010; Салфетников Д.А. Модернизационные задачи и проблемы промышленного развития Кубанских округов во 2-й половине 20-х гг. XX в. // Теория и практика общественного развития. 2011. № 2 и др.

² Лебина Н.Б. Коммунальный, коммунальный, коммунальный мир... // Родина. 1997. № 1; Она же. Повседневная жизнь советского города: нормы и аномалии 1920–1930. СПб., 1999; Она же. О пользе игры в бисер (микроистория как метод изучения норм и аномалий советской повседневности 20–30-х годов) // Нормы и ценности повседневной жизни: становление социалистического образа жизни в России 1920–30-е годы. СПб., 2000; Меерович М.Г. Наказание жилищем: жилищная политика в СССР как средство управления людьми (1917–1937 годы). М., 2008; Он же. Кладбище соцгородов: градостроительная политика в СССР (1928–1932 гг.) / М.Г. Меерович, Е.В. Конышева, Д.С. Хмельницкий. М.,

историографическая проработка заявленной проблемы придает еще больше актуальности настоящему диссертационному исследованию.

Для более глубокого понимания советского общества и тех процессов, которые происходили в 1920-е гг., актуален интерес к жилищной политике советской власти и особенно – к жилищным конфликтам как последствиям этой политики. Именно жилищная политика в раннесоветский период во многом влияла на формирование габитуса обитателей коммунальных квартир, их социальные практики. Ссоры, склоки, «жилищные войны» – непосредственные атрибуты коммунального мира, которые зародились в период НЭПа и в какой-то степени существуют до сих пор.

Объектом диссертационного исследования является городское социальное пространство повседневности в раннем советском обществе как поле жилищного и внутрисемейного конфликта.

Предмет исследования составляет жилищный и внутрисемейный конфликт как социокультурный феномен городской повседневности 1920-х гг., проявляющийся в напряженном социальном взаимодействии городских обывателей в жилищной сфере, преимущественно на почве жилищного кризиса.

Хронологические рамки исследования охватывают первое десятилетие после установления советской власти в изучаемых регионах Советской России (1920–1930 годы). Выбранный период определяет специфику повседневной жизни горожан. События, связанные с двумя войнами и революциями, новой экономической политикой отложили свой отпечаток на психологию, менталитет и социальные практики горожан. Это было время, когда городским обывателям пришлось все перестраивать, включая частную жизнь и личностные ценности. Утверждались новые поведенческие установки, трансформировались представления о социальных нормах и аномалиях, в том числе и в «жилищном вопросе».

Территориальные рамки исследования диссертант намеренно ограничивает территорией Кубани и Черноморья. Данная территория имеет свои специфические черты развития, связанные с местоположением региона, социально-экономическими условиями, характеристиками населения, особенностями казачьего уклада, социально-демографическими процессами и т.д.

Административно-территориальное деление данного региона на протяжении исследуемого периода неоднократно изменялось. В марте 1920 года была образована Кубано-Черноморская область с центром в городе Краснодаре, включавшая в себя семь отделов: Баталпашинский, Ейский, Екатеринодарский, Кавказский, Лабинский, Майкопский, Таманский. В результате проведенного в 1924 году районирования был образован Северо-Кавказский край с центром в городе Ростове-на-Дону. На территории бывшей

2011; Исаев В.И. Необычные судьбы обычных людей: советская повседневность в 1920–1930-е гг. Новосибирск, 2008; Рожков А.Ю. В кругу сверстников: Жизненный мир молодого человека в Советской России 1920-х годов. М., 2014 и др.

Кубано-Черноморской области было образовано четыре округа: Армавирский, Кубанский, Майкопский, Черноморский. Округа, в свою очередь, делились на районы, районы – на сельсоветы. Кроме вышеуказанных округов в состав Северо-Кавказского края входили Донецкий, Донской, Ставропольский, Терский округа и четыре автономные области: Адыгейская, Кабардино-Балкарская, Карачаево-Черкесская и Чеченская. Такое территориальное деление сохранилось вплоть до 1930 года.

Исходя из вышесказанного, устоявшееся в науке историко-географическое понятие «Кубань и Черноморье» мы будем рассматривать вне нормативно-правовых рамок динамично меняющихся административно-территориальных образований периода 1920-х годов, сугубо в географическом и культурно-историческом смыслах. Поскольку наряду с особыми чертами региону и его населению были присущи и общероссийские черты и тенденции развития, диссертант подкрепляет некоторые сюжеты своего исследования общероссийским материалом.

Диссертационное исследование намеренно не затрагивает горный Северный Кавказ. Данная территория имеет свои специфические черты развития (культурно-исторические, этнические, религиозные) и жизненный уклад, поэтому представляется некорректным рассматривать «русскую» и «кавказскую» части большого южного региона в одном ключе в рамках конкретной проблемы исследования.

Степень научной разработанности проблемы. Несмотря на достаточную разработанность в историографии темы в период НЭПа, заявленная нами проблема в такой постановке в отечественной и зарубежной историографии изучена слабо. В основном рассматривались отдельные аспекты данной темы: жилищная политика советской власти, повседневная жизнь советского города, жилищные условия.

С нашей точки зрения, историографию изучаемой проблемы условно можно разделить на два этапа: советский (1920-е – 1991 годы) и современный (1991 год – до настоящего времени).

Изучение отдельных аспектов изучаемой проблемы началось еще в 1920-е годы. На страницах периодических изданий («Работница», «Крестьянка», «Красное знамя», «Молот» и др.) в той или иной постановке затрагивались темы жилья и жилищной политики советского государства, хотя по большей части статьи носили агитационно-пропагандистский или публицистический характер³. В периодической печати освещался вклад советской власти в жилищное строительство: наделение пролетариата жильем, дифференцированная квартирная плата, организация жилищных товариществ. Разъяснялись причины жилищного кризиса и пропагандировалась идея дома-коммуны. В журналах «Работница» и «Крестьянка» в основном публиковались тематические статьи, посвященные уходу за ребенком, пользе яслей, роли женщины в семье и в партийном

³ Земблукхтер М. Жилищный вопрос и его перспективы // Коммунистка. 1923. № 3-4; Ленч Л. Жилищный вопрос в Краснодаре // Красное знамя. 1925. № 175 и др.

строительстве, вкладу большевиков в эмансипацию женщины и т.д.⁴

Большую популярность в раннесоветский период приобретает тема полового вопроса и половой морали, тесно связанная с жилищными условиями. В 1920-е годы появилось большое количество публицистической литературы, авторами которой были врачи-венерологи⁵.

Ведущие партийные деятели, экономисты, публицисты принимали активное участие в обсуждении «жилищного вопроса»⁶. Данные работы интересны тем, что их авторы приводят статистические данные о жилищном фонде страны и дают общую картину жилищного кризиса. Работы Ю.М. Ларина и Л.М. Сабсовича передают настроения, которые преобладали среди партийных руководителей. Однако существенный недостаток данных работ состоит в том, что многие из них написаны в духе социалистического утопизма и сильно идеологизированы, что позволяет предположить их основное предназначение для использования в пропагандистских целях.

Историография «жилищного вопроса» советского периода, начиная с 1930-х гг., фрагментарна и ограничена марксистско-ленинской методологией⁷. Наиболее популярной темой стало жилищное обеспечение. В работах исследователей признавалось наличие самой жилищной проблемы, однако вместо ее объективного анализа жесткой критике подвергались мероприятия, ранее проводимые в этом направлении царским правительством. Характерным для публикаций этого периода было освещение тяжелых жилищных условий рабочих за границей при одновременной демонстрации позитивных изменений, произошедших в жилищной сфере благодаря действиям советской власти⁸.

В 1950–60-е годы появляются первые монографические исследования жилищно-коммунального хозяйства городов⁹. Вместе с тем издается специализированная литература, написанная архитекторами, строителями и другими специалистами в области градостроительства (работы В.Э. Бакутиса, В.А. Бутягина, Л.Б. Лунца и П.Г. Панова и др.), в которой освещаются общие и специальные требования к застройкам городских жилых

⁴ Ножкина Н. О разводе // Крестьянка. 1923. № 1–2; Лисицын А. Брак и крестьянка // Крестьянка. 1922. № 15; Лисицын А. Работница и семья // Работница. 1923. № 1 и др.

⁵ Гельман И. Половая жизнь современной молодежи: Опыт социально-биологического обследования. М.-Л., 1923; Беркович А.Л. Половой вопрос. М., 1924. № 9; Ласс Д. Современное студенчество. М., 1927. № 9 и др.

⁶ Ларин Ю.М. Жилищный вопрос. М., 1929; Сабсович Л.М. Города будущего и организация социалистического быта. М., 1930 и др.

⁷ Перчик Л. Жилищный вопрос при капитализме и социализме. М.-Л., 1934; Комаров А. Жилые ячейки Ленпроекта // Архитектура Ленинграда. 1937. № 2; Манаков К.Л. Городское хозяйство Ленинграда / К.Л. Манаков, Е.Л. Петров. Л., 1949 и др.

⁸ См. подр.: Ким М.Ю. Социальная политика советской власти (1930-е гг.) в отечественной и зарубежной историографии / М.Ю. Ким, К.А. Кузоро // Вестник Томского гос. университета. 2010. № 334. С. 64-67.

⁹ Бунин Л. В. История градостроительного искусства. М., 1953; Дмитриев Н. Жилищный вопрос. М., 1973; Толстой Ю. К. Советское жилищное право. Л., 1967; Хазанова В.Э. Из истории советской архитектуры. М., 1963 и др.

районов¹⁰. Работы Т. Кузнецовой и В.Э. Хазановой¹¹ по советской жилищной политике дают общую характеристику состоянию «жилищного вопроса» и архитектурным тенденциям в Советской России 1920-х годов. Работы Ш.Д. Чиквашвили, П.Г. Жука, И.П. Прокопченко¹² посвящены вопросам истории и развития жилищно-строительной кооперации в городах.

Завершая обзор историографии изучаемой темы в советский период, следует отметить, что многие её аспекты, не вписывавшиеся в коммунистическую парадигму, изучались слабо или вообще замалчивались. В частности, бытовая сторона жизни советских людей рассматривалась только в качестве дополнения к «большой» истории. Вся жилищная проблематика зачастую была сведена к роли партии в наделении пролетариата жильем. Советские историки, опираясь на нормативную источниковую базу, подробно изучали жилищную политику советского государства, жилищное законодательство, типы жилищной собственности. Вместе с тем жилищные конфликты не выступали как объекты исследования. Они либо вообще замалчивались, либо упоминались вскользь. Как уже отмечалось, большинство работ советского периода были чрезмерно идеологизированы¹³.

В конце XX века начался новый этап в развитии отечественной историографии «жилищного вопроса» в довоенном СССР. Именно в этот период появились первые работы, в которых авторы предприняли попытку переосмыслить накопленный исторический опыт. Стали изучаться вопросы, которые ранее не затрагивала советская историография: теневые стороны повседневной жизни горожан, всестороннее изучение жилищной политики советской власти, гендерный аспект и т.д.

В этот период появились яркие работы Н.Б. Лебиной¹⁴. Она одной из первых применила психоаналитический, социально-психологический и

¹⁰ Бакутис В.Э. Инженерное благоустройство городских территорий / В.Э. Бакутис, В.А. Бутягин, Л.Б. Лунц. М., 1971; Благоустройство городов: сб. статей / под ред. П.Г. Панова. Свердловск, 1968.

¹¹ Кузнецова Т. О революционном жилищном переделе в Москве // История СССР. 1963. № 5; Хазанова В.Э. Советская архитектура первой пятилетки. М., 1980.

¹² Чиквашвили Ш.Д. Жилищно-строительная кооперация в СССР. М., 1965; Прокопченко И.П. Жилищно-строительные кооперативы в СССР. М., 1965; Жук П.Г. Кооперативное и индивидуальное строительство. М., 1967.

¹³ Мстиславский П. С. Народное потребление при социализме. М., 1961; Жибарев П. Б. Индустриализация СССР – великий подвиг советского народа. М., 1969; Кузьмин В. И. Исторический опыт советской индустриализации. М., 1969; Касьяненко В. И. Завоевание экономической независимости СССР (1917–1940). М., 1972; Кукин Д. М. Ленинский план построения социализма в СССР и его осуществление. М., 1972; Майер В. Ф. Уровень жизни населения СССР. М., 1977 и др.

¹⁴ Лебина Н.Б. Проституция в Петербурге (40-е гг. XIX в. – 40-е гг. XX в.) / Н.Б. Лебина, М.В. Шкаровский. М., 1994; Она же. Теневые стороны жизни советского города 20 – 30-х годах // Вопросы истории. 1994. № 2; Она же. Коммунальный, коммунальный, коммунальный мир... // Родина. 1997. № 1; Она же. Повседневная жизнь советского города: нормы и аномалии... и др.

социологический методы в исторических исследованиях¹⁵. Проводя исследования в методологических рамках истории повседневности, Н.Б. Лебина сумела показать советскую историю совершенно в новом ракурсе. Через дихотомию «норма – аномалия» она исследовала различные аспекты советского общества: семью, быт, частную жизнь и жилище. Автор изучила не только традиционные формы девиации (пьянство, проституцию, хулиганство, преступность), но и аномалии, ставшие нормой в советскую эпоху (коммунальный быт). В статье «О пользе игры в бисер», применяя микроисторический подход, она исследует жилищный вопрос в Ленинграде в раннесоветский период. На примере трех домов Лебина сумела воссоздать атмосферу, царившую в крупном городе в 1920-е гг. Взаимоотношения между соседями, менталитет обывателя, отношение к советской жилищной политике разных слоев населения и их жилищные практики не ускользнули от профессионального взгляда исследователя.

А.И. Черных¹⁶ исследует послереволюционную жилищную политику в ракурсе социологического подхода. Она подробно показала историю производственной и бытовой повседневности советских людей в годы НЭПа и индустриализации, включая экономические аспекты повседневности (заработок, жилище, питание, одежду). В частности, автор на конкретном материале описывает состояние жилищного фонда и результаты жилищного передела в Москве и Ленинграде.

И.Б. Орлов¹⁷ рассматривает историю советского общества через призму повседневности. Работа Орлова «Советская повседневность. Исторический и социологический аспекты становления» основывается преимущественно на партийных документах и статистических отчетах. Автор собрал редкие и интересные материалы, вместе с тем практически не использует синхронную периодику, визуальные источники. Стоит согласиться с Т. Дашковой, что И.Б. Орлов «лишь перечисляет документы, факты, статистические данные, но не дает им социокультурной интерпретации, либо она носит официальный или общеизвестный характер»¹⁸. Многих из этих и других недочетов московскому историку удалось избежать в книге «Коммунальная страна», в которой на обширном документальном материале реконструируется процесс становления и развития советского коммунального хозяйства. Вопросам жилищного строительства и повседневного коммунального быта отведена

¹⁵ Рожков А.Ю. Молодой человек в советской России 1920-х годов: повседневная жизнь в группах сверстников (школьники, студенты, красноармейцы): автореф. дис ... д-ра ист. наук. Краснодар, 2003. С. 8.

¹⁶ Черных А.И. Становление России советской: 20-е годы в зеркале социологии. М., 1998.

¹⁷ Орлов И.Б. Советская повседневность. Исторический и социологический аспекты становления. М., 2010; Он же. Коммунальная страна: становление советского жилищно-коммунального хозяйства (1917–1941 гг.). М., 2015 и др.

¹⁸ Дашкова Т. Брак и сервис, сыр и черви... советская повседневность и все, все, все... (Рец. на кн.: Орлов И.Б. Советская повседневность: исторический и социологический аспекты становления. М., 2010). URL: <http://magazines.russ.ru/> (дата обращения 21.10.2015).

одна из 8 глав книги.

Нельзя не отметить возрастание интереса к изучаемой теме в региональных исторических исследованиях. Жилищному вопросу в рамках Сибирского региона посвящены некоторые работы В.И. Исаева¹⁹. Жилищно-коммунальное городское хозяйство Чувашии стало предметом исследования Е.А. Фалиной²⁰.

Е.Ю. Герасимова²¹ исследует быт петроградских и ленинградских коммунальных квартир: стратегии советской власти по отношению к жилью, социальный состав жильцов, коммунальное мировоззрение, культурные установки, взаимодействие соседей. Методологически работа во многом опирается на известное исследование И.В. Утехина²². Однако такой аспект проблемы, как жилищные конфликты, не вошел в сферу интересов автора.

Работы кубанского историка Э.Н. Нежигай отражают региональный аспект темы и посвящены городской культуре Кубани в период НЭПа²³. Автор рассматривает жилищную проблему как один из элементов городской культуры. Следует отметить, что Э.Н. Нежигай одной из первых начала исследовать жилищный вопрос на Кубани в 1920-е годы.

Непосредственно жилищному вопросу и жилищной политике советской власти в 1920–1930-е гг. посвящены работы М.Г. Мееровича²⁴. Он с профессиональных позиций архитектора и историка изучил жилищное законодательство Советской России в период НЭПа. Автор рассмотрел различные формы жилищной собственности, начиная от жилищной кооперации и заканчивая частным сектором. М.Г. Меерович рассматривает жилищную политику советской власти как способ прикрепления граждан к месту работы и как средство управления людьми. В своих работах он опирается на солидную нормативно-правовую базу, однако меньше внимания

¹⁹ Исаев В.И. Быт рабочих Сибири. 1926–1937 гг. Новосибирск, 1988; Он же. Коммуна или коммуналка? Изменения быта рабочих Сибири в годы индустриализации. Новосибирск, 1996; Он же. Жилищная проблема в городах Сибири (1920-е – 1960-е гг.) / В.И. Исаев, С.С. Букин. Новосибирск, 2009.

²⁰ Фалина Е.А. Жилищно-коммунальное хозяйство городов Чувашской Республики в 1920-1990-е годы: исторический опыт : дис. ... канд ист. наук. Чебоксары, 2007.

²¹ Герасимова Е.Ю. Советская коммунальная квартира как социальный институт: историко-социологический анализ: На материалах Петрограда - Ленинграда, 1917 – 1991: дис. ... канд. соц. наук. Санкт-Петербург, 2000.

²² Утегин И.В. Очерки коммунального быта. М., 2004.

²³ Нежигай Э.Н. Городская культура Кубани периода НЭПа: дис. ... канд. ист. наук. Краснодар, 1999; Она же. О состоянии коммунального хозяйства городов Кубани в 20-е годы XX века // Актуальные вопросы современной науки : Материалы II Международной научно-практической конференции. Краснодар, 20 декабря 2011 г. Краснодар, 2012 и др.

²⁴ Меерович М.Г. Рождение и смерть жилищной кооперации. Жилищная политика в СССР. 1924–1937 гг. (социально-культурный и социально-организационный аспекты). Иркутск, 2004; Он же. Социально-культурные основы осуществления государственной жилищной политики в РСФСР (1917–1941 гг.): дис. ... д-ра ист. наук. Иркутск, 2004; Он же. Рождение соцгорода: градостроительная политика в СССР. 1926–1932 гг. (концепция социалистического расселения – формирование населенных мест нового типа). Иркутск, 2008; Он же. Наказание жилищем... и др.

уделяет реальной жилищной ситуации, практически не затрагивая тему жилищных конфликтов.

Зарубежная историография²⁵ в целом более предметно, чем отечественная, рассматривает жилищную проблему в рамках истории повседневности, хотя ряд зарубежных историков исследует данный вопрос весьма поверхностно. Одно из самых заметных исследований повседневности сталинской эпохи принадлежит перу профессора Чикагского университета Ш. Фицпатрик²⁶. В центре внимания автора стоит «маленький» человек в сталинскую эпоху, повседневное и чрезвычайное через взаимодействие обывателя. Ш. Фицпатрик описывает пути и способы, с помощью которых советские граждане пытались вести обычную жизнь в необычных условиях, созданных сталинизмом. В центре внимания автора находятся коммуна, жилищный вопрос, семья, положение женщины, продовольственный вопрос и реакции обывателя на деятельность власти. Жилье Фицпатрик рассматривает как форму отношений, установленных между государством и обывателем.

Немецкий историк Ю. Обертрейс²⁷ на базе архивных материалов провела реконструкцию быта и взаимоотношений обывателей коммунальных квартир. На примере Петрограда – Ленинграда она рассмотрела, как изменились социальные нормы в жилищной сфере в 1920–1930-е гг. Опираясь на две категории граждан («бывшие» и «излишние»), Обертрейс характеризует жилищную политику советского государства в 1920-е гг. Особое внимание она обратила на процесс вселения рабочих в квартиры «бывших».

Не обойден в западной историографии темы и гендерный аспект. «Женскому вопросу» посвящены монографии американского историка Венди З. Голдман²⁸. Исследователь сумела взглянуть на эту проблему в Советской России шире и многостороннее, чем некоторые отечественные историки. Анализируя собранный материал из советских архивов, Голдман

²⁵ Jahn H.F. The housing revolution in Petrograd 1917–1920. URL: <http://www.jstor.org> (дата обращения 21.09.2013); Sosnovy T. The Soviet urban housing problem. URL: <http://www.jstor.org> (дата обращения 21.09.2013); Maurice Frank Parkins. Soviet police on urban housing and housing rent // *Land economics*, Vol. 29. No.3 (Aug., 1953). URL: <http://www.jstor.org> (дата обращения 21.09.2013); Lewis R.A. Urbanization in Russia and the USSR: 1897–1966 // *Annals of the Association of American geographers*. Vol. 59. No.4 (Dec., 1969). URL: <http://www.jstor.org> (дата обращения 21.09.2013 и др.

²⁶ Фицпатрик Ш. Повседневный сталинизм. Социальная история Советской России в 30-е годы: город. М., 2001.

²⁷ Obertreis J. *Tränen des Sozialismus: Wohnen in Leningrad zwischen Alltag und Utopie 1917–1937*. Wien, 2004; Обертрейс Ю. «Бывшие» и «излишние» – изменение социальных норм в жилищной сфере в 1920–1930-е годы (на материалах Ленинграда) // *Нормы и ценности повседневной жизни: становление социалистического образа жизни в России в 1920–1930-е годы*. СПб., 2000.

²⁸ Голдман В.З. Женщины у проходной. Гендерные отношения в советской индустрии (1917–1937 гг.). М., 2010; Goldman Wendy Z. *Women, the state and revolution. Soviet family policy and social life, 1917–1936*. London, 1993.

рассмотрела статус и роль женщины в Советском Союзе. Большое внимание автор уделяет вопросу трансформации семейных ценностей после прихода к власти большевиков. Однако Голдман также практически не затрагивает тему внутрисемейных конфликтов.

Этой же проблемой интересуется и Р. Стайтс. В монографии «Женское освободительное движение» автор критически оценивает политику большевиков в отношении женщин, в то же время он большое внимание уделяет и реальным позитивным достижениям в области гендерного равенства²⁹. Р. Стайтс проанализировал марксистскую теорию женского вопроса, женское пролетарское движение, представление социалистов о семье, роль женщин в новом государстве. Стоит подчеркнуть, что Стайтс исследовал и внутрисемейные отношения.

Итак, одной из особенностей современной исторической науки стал поворот к социальной истории, истории повседневности, ориентированной на человека в истории и его миропонимание. Между тем, несмотря на определенные достижения в историографии исследуемой темы, заявленная научная проблема до сих пор слабо изучена. Историография данной проблемы представлена различными по своей научной значимости работами, многие из которых лишь косвенно затрагивают отдельные аспекты темы диссертационного исследования. Системно и комплексно данная тема практически не изучена. Анализ историографии подводит нас к выводу, что изучение проблемы городского жилищного конфликта в раннесоветском обществе является актуальным, что повышает научную значимость нашего диссертационного исследования и придает ему необходимую новизну.

Цель и задачи исследования. Целью настоящего исследования является комплексное изучение городской повседневности в раннем советском обществе в ракурсе жилищного и внутрисемейного конфликта. В соответствии с поставленной целью определены следующие задачи:

- 1) рассмотреть теоретико-методологические основы истории повседневности как предмета исследований;
- 2) критически проанализировать различные концепции конфликта в современной социогуманитаристике;
- 3) изучить жилищную ситуацию на Кубани и в Черноморье как социальную проблему в общероссийском контексте 1920-х годов;
- 4) реконструировать взаимоотношения власти и обывателя в условиях жилищного кризиса в конкретно-исторических условиях Кубани и Черноморья;
- 5) проанализировать конфликтные ситуации в муниципализированных домовладениях, прежде всего, между соседями;
- 6) рассмотреть влияние жилищного кризиса на взаимоотношения в семье.

²⁹ Стайтс Р. Женское освободительное движение в России: феминизм и большевизм, 1860–1930. М., 2004. С. 10.

Теоретико-методологическую основу исследования составляют междисциплинарный аналитический подход, общепринятый в социально-исторических исследованиях, принципы историзма, объективности и системности в научном исследовании, а также методы сбора и анализа эмпирических данных.

История повседневности является междисциплинарным научным направлением и находится на стыке исторической науки, социологии, исторической психологии, демографии и других смежных дисциплин. В диссертационном исследовании используются положения ряда научных теорий: социального конфликта (Р. Дарендорф, Л. Козер, К. Боудинг и др.), семейных конфликтов, психосоциального развития личности, социализации (З. Фрейд, Э. Эриксон и др.), жизненного мира и социального взаимодействия, гендера (А. Шюц, В. Земьюнер и др.). Концепция «потока сознания» У. Джеймса позволила проанализировать влияние психоэмоционального состояния обывателя на его жилище.

Центральными категориями диссертационного исследования являются понятия «(городской) жилищный конфликт» и «(городское) социальное пространство». Исходный термин «конфликт» (теоретические основания конфликтов рассмотрены в 1.2) сознательно трактуется автором широко. Под конфликтом нами понимается неизбежное столкновение, скрытое или открытое противоборство двух или более сторон (субъектов), вызванное невозможностью удовлетворить свои потребности. К открытым формам конфликта мы относим ссоры, ругань, скандалы, хулиганство и жалобы (доносы) в соответствующие инстанции; к латентным проявлениям конфликта относятся молчаливый протест и скрытый отказ от исполнения обязанностей. Более узкое понятие «жилищный конфликт» определяется нами как напряженное социальное взаимодействие (столкновение) различных категорий (субъектов) городского населения на почве жилищного кризиса. Сюда относятся как конфликт власти с жителями города, так и конфликт между соседями, конфликт в семье. Эпитет «городской» применительно к жилищному конфликту указывает на локализацию предмета исследования, ограниченного рамками южного провинциального города и по своей природе отличающегося от жилищных конфликтов в сельской местности.

Конструкт «социальное пространство», предложенный, как и понятие «социальное поле», Пьером Бурдьё, означает многомерное пространство социальных процессов, социальных отношений, социальных практик, социальных позиций и социальных полей, функционально взаимосвязанных между собой. В настоящей работе, в отличие от социологических исследований, этот термин применяется в большей части как некая метафора для конструирования условных «рамочек» человеческого бытия, повседневности обывателя в условиях городской среды 1920-х годов.

Социальное пространство человека из прошлого века невозможно описать без деталей быта, поведения и языка. Поэтому в исследовании приводятся оригиналы писем, жалоб и заявлений, фотографии 1920-х годов.

Диссертант стремится взглянуть на изучаемую эпоху «глазами» тех людей, которые в ней жили.

Комплексный подход к изучению советской повседневности вызвал необходимость применения групп методов, в совокупности своей позволивших реконструировать городскую повседневность «маленького» человека, его мысли, эмоции, чувства, быт, габитус и повседневные практики: общенаучные (анализ, синтез, сравнение, описание), специально-исторические (ретроспективный, генетический, сравнительный, типологический) и смежных наук (статистический, структурно-функциональный, лингвистический).

Характеристика источников. В диссертации был использован обширный массив источников, который состоит из законодательных и делопроизводственных документов (постановления, распоряжения, декреты, циркуляры, инструкции, отчеты, стенограммы и др.), статистических данных, документов личного происхождения, публицистической литературы и периодической печати. Часть использованных источников опубликована, большинство документов обнаружено нами в архивах.

Важное место в диссертации занимают документы, обнаруженные диссертантом в трех центральных (ГАРФ, РГАСПИ, РГАКФД) и четырех региональных (ГАКК, ЦДНИКК, ГАРО и ЦДНИРО) архивах Российской Федерации³⁰. В общей сложности автором было исследовано 22 фонда указанных архивов, включая и фонды фотодокументов РГАКФД.

На первый план были выдвинуты источники, позволяющие реконструировать жилищную политику государства; конфликтные ситуации, связанные с жильем; настроения населения в связи с жилищным вопросом; поведенческие практики и мировоззренческие установки людей. К этим документам относятся постановления, циркуляры, инструкции, материалы обследования, отчеты, стенограммы партийных конференций, жалобы и заявления, «письма во власть», дневники и частная переписка.

Подавляющая часть использованных в диссертации документов представляет собой материалы контрольных органов (партийные контрольные комиссии и Рабоче-крестьянская инспекция). Наиболее информативные документы, отражающие специфику жилищных конфликтов в советском южном городе, отложились в фондах ГАКК, ЦДНИКК, ГАРО и ЦДНИРО. В ГАКК автора, прежде всего, интересовали материалы фондов Рабоче-крестьянской инспекции (Р-990 и Р-226), в которых сосредоточены весьма информативные документы, раскрывающие суть и причины жилищных конфликтов. Письма, жалобы и заявления горожан являются ценным источником. Они дают представление о проблемах, волновавших

³⁰ Государственный архив Российской Федерации, Российский государственный архив социально-политической истории, Российский государственный архив кинофотодокументов, Государственный архив Краснодарского края, Центр документации новейшей истории Краснодарского края, Государственный архив Ростовской области, Центр документации новейшей истории Ростовской области.

заявителей, их картине мира. Этот вид источников подвержен количественному и качественному анализу. Оригиналы текстов жалоб и заявлений горожан позволили автору реконструировать повседневный быт обитателей коммунальных квартир, проследить, как зарождались конфликты в этой среде и как они развивались. Особенность данного фонда в том, что в нем собраны жалобы как членов партии, так и беспартийных граждан, что позволяет воссоздать картину в более полном объеме по сравнению с документами органов партийного контроля.

Для понимания жилищной политики государства ценной оказалась информация из личного фонда Палладия Васильевича Миронова (Р-1547). П.В. Миронов – известный кубанский краевед, написавший более 20 научных работ по коммунальному хозяйству и краеведению. Материалы фонда отражают санитарное состояние города Екатеринодара–Краснодара и процесс жилищного строительства, дают интересную информацию о жилищном кризисе и методах борьбы с ним. Фонд Р-262 (Управление Кубанского окружного инженера. 1924–1928 годы) дополнил имеющиеся сведения о жилищной политике в Советской России. Там представлены планы строительных работ, протоколы совещаний, проекты жилых домов.

Ценные сведения содержатся в фондах контрольных комиссий ЦДНИКК: фонд 4 (Кубано-Черноморская областная комиссия по чистке 1920–1923 гг.), фонд 6 (Черноморская окружная контрольная комиссия 1921–1930 гг.), фонд 7 (Кубано-Черноморская областная контрольная комиссия 1920–1924 гг.), фонд 10 (Кубанская окружная контрольная комиссия 1924–1930 гг.). Документы перечисленных выше фондов содержат материалы о деятельности контрольных комиссий на Кубани, начиная с 1920 года. Это отчетные доклады с партийных конференций, сводки, протоколы заседаний, планы работ, отчеты по партийным чисткам, решения и постановления, персональные дела коммунистов и кандидатов ВКП (б).

Особое внимание диссертанта было обращено на персональные дела, в которых фиксировались проступки членов партии. В фондах отражены сведения о «некоммунистическом» поведении некоторых членов партии: пьянстве, изменах, уходе из семьи, многоженстве. Данные документы стали ключом к раскрытию причин многих жилищных конфликтов. Наиболее ценная для настоящего исследования информация отложилась в фонде Кубано-Черноморской областной комиссии по чистке (фонд 4).

В ГАРО весьма ценными для исследования оказались документы фонда Рабоче-крестьянской инспекции (Р-1185), в которых удалось обнаружить статистические данные о жилищном строительстве и санитарной норме по городам Кубано-Черноморской области и Донского округа, информацию о муниципализации, жилсоюзах. Заявления и жалобы, найденные в этих фондах, существенно дополнили сложившуюся картину.

Документы партийных органов из фондов ЦДНИРО – фонд 5 (Донской окружной комитет РКП (б) 1920–1930 гг.), фонд 7 (Северо-Кавказский окружной комитет РКП (б) 1924–1930 гг.) – дали в числе прочего важную

информацию о состоянии «женского вопроса», которая помогла диссертанту увидеть семейные конфликты в новом ракурсе.

В ходе работы с жалобами и заявлениями, обнаруженными в вышеуказанных архивах, приходилось учитывать, что данные источники перенасыщены негативной информацией, а порой содержат некорректную и недостоверную информацию. Документы такого рода требуют внимательного отношения, сопоставления с другими группами источников. Стремясь избежать соблазна интерпретировать свои эмоции как эмоции изучаемого «эмоционального сообщества» (Б. Розенвейн), диссертант при анализе данных источников старался учитывать, что они содержат сильный эмотивный заряд.

В федеральных архивах нами были проработаны фонды Центральных контрольных комиссий (А-7790, Р-374, Р-1251 – ГАРФ; 17 – РГАСПИ). Основной состав документов этих фондов – стенограммы, протоколы совещаний, сводки, материалы проверок, отчеты и другие документы контрольных органов.

В исследовании были также использованы визуальные материалы из Российского государственного архива кино-фотодокументов, где диссертанту удалось обнаружить редкие снимки, на которых зафиксированы бытовые моменты советской повседневности: переезд рабочих семей в новое жилище, обстановка в квартирах, внутреннее убранство рабочих бараков и общежитий и т.д. Это помогло воочию представить образы реконструируемой повседневности, почувствовать «дух эпохи».

Доступ к наиболее информативным опубликованным источникам был получен, прежде всего, в научных библиотеках Москвы, Ростова-на-Дону и Краснодара. Из опубликованных источников активно использовались законодательные и нормативные акты, периодическая печать, статистические источники, мемуары и воспоминания, письма во власть, художественно-публицистическая литература.

В исследовании диссертант использовал жилищное законодательство советского государства периода НЭПа: декреты, постановления, инструкции, распоряжения. Сопоставляя законодательные акты и жалобы горожан, мы смогли полнее реконструировать реальную жилищную ситуацию в 1920-е годы. Для многомерного понимания ситуации были изучены Уголовный кодекс РСФСР (редакции 1922 и 1926 годов) и семейное законодательство.

Среди опубликованных источников большое значение имеют документы советских граждан, адресованные власти: апелляции, письма, заявления, жалобы, предложения, доносы. Такие документы являются зеркалом общественных настроений и массового сознания, отражают реальное отношение населения к власти и ее политике.

Периодическая печать – важный источник для понимания повседневности. Наиболее информативными для данного исследования оказались центральные и региональные журналы и газеты «Молот», «Красное знамя», «Работница», «Крестьянка», «Молодая гвардия»,

«Коммунистка», «Рабочий суд» и др. На страницах краснодарской газеты «Красное знамя» размещались тексты декретов, указов и постановлений, касающиеся жилищного вопроса. Прежде всего, диссертанта интересовали опубликованные письма горожан, отражающие повседневность 1920-х годов. Особо интересна рубрика «Суд» в газете «Красное знамя», в которой освещались уголовные преступления, нарушения жилищного или семейного кодекса на Юге России. Диссертант учитывал, что советская периодическая печать находилась под влиянием большевистской идеологии и цензуры.

В исследовании были использованы мемуары и воспоминания современников. Особенно интересно сравнить воспоминания иностранцев, которые жили в Советской России ограниченное время, и обывателей советского города. Диссертанта, прежде всего, интересовало, как иностранцы и советские граждане описывают быт коммунальной квартиры и взаимоотношения между соседями³¹. Использование произведений М.А. Булгакова и В.Я. Зарубина позволило ощутить дух изучаемой эпохи, передать в исследовании колорит того динамичного времени.

Научная новизна работы состоит в следующем:

1. Диссертантом, одним из первых в отечественной историографии, проведено комплексное исследование жилищных конфликтов в городском социальном пространстве 1920-х гг. С методологических позиций «новой» исторической науки уточняются многие из существующих и даются новые оценки явлений и процессов, происходивших в городской жилищной сфере в первое советское десятилетие. В центр исследования поставлены повседневные практики «маленького» человека. В фокусе исследовательского интереса находятся реальные практики взаимоотношений между жильцами в ситуациях многочисленных жилищных конфликтов.

2. Диссертанту принадлежит приоритет в изучении проблемы жилищного конфликта в условиях южного города 1920-х гг. Систематизированы подходы к анализу социального конфликта. Введена авторская трактовка понятия «(городской) жилищный конфликт», предлагаются направления анализа жилищного конфликта как социокультурного феномена городской повседневности тех лет.

3. Посредством анализа проблем в жилищной сфере диссертантом одним из первых выявлены причины и характер «жилищного голода» на Юге России в 1920-е гг. В результате этого получили дальнейшее развитие существующие научные представления о масштабах и формах жилищной проблемы в изучаемый период.

4. Подвергнуто научной рефлексии влияние жилищного кризиса на отношения между различными группами горожан. В результате авторской интерпретации документов выявлен характер реальных взаимоотношений между соседями, супругами в семье, властью и городскими жителями.

³¹ Wettlin M. Fifty Russian winters. An American woman's life in the Soviet Union. N.-Y., 1992; Голицына И.Д. Воспоминание о России (1900–1933). М., 2009 .

Впервые предметно изучен феномен «жилищных войн» в 1920-е гг. на Юге России, обоснована его авторская трактовка.

5. С опорой на обширную источниковую базу диссертантом одним из первых установлено, что доноительство, клевета, самовольное заселение, ссоры и склоки в борьбе за квадратные метры стали стихийно образованными индивидуальными и групповыми привычками обыденного поведения горожан в 1920-е гг., постепенно превращавшимися в социальные нормы повседневной жизни членов семей, соседей и т.д.

Основные положения, выносимые на защиту:

1. Разные социальные и гуманитарные дисциплины – история, психология, социология, конфликтология, политология, философия и другие – наделяют понятие «конфликт» своим содержанием в зависимости от объекта исследования. Исходя из наших целей и задач, конфликт мы трактуем как неизбежное явление, несущее деструктивное и конструктивное начало, выражающееся в открытых и скрытых формах. Жилищный городской конфликт мы понимаем как напряженное социальное взаимодействие различных слоев (субъектов) городского населения на почве «жилищного кризиса».

2. 1920-е гг. – это период острого жилищного кризиса, который отчасти был спровоцирован новой жилищной политикой советской власти. (Следует также отметить, что этот кризис был вызван, прежде всего, резко возросшими темпами урбанизации в связи с проводимой индустриализацией страны, коллективизацией сельского хозяйства и политикой раскулачивания). Политика «ущемления» «бывших» и заселения в их квартиры рабочих, принудительное «уплотнение», создание ЖАКТ и ЖСКТ, дифференцированная квартирная плата, с одной стороны, позволили решить какие-то жилищные проблемы, но в целом они лишь усугубили «жилищный вопрос». Власть так и не смогла предоставить всем нуждающимся жилую площадь. Комнаты из фондов ЖАКТ зачастую сдавались «бывшим», которые были готовы снимать комнаты за «вольные» деньги. Пытаясь снизить остроту жилищного кризиса, местные власти отправляли рабочих в командировки в другие города. Причем власть не интересовало, где будет жить командированный и какая ситуация с жильем в городе, куда он отправлялся.

3. Нерешенность жилищного вопроса в интересах рабочих спровоцировала рост конфликтов между городским обывателем и властью. В раннесоветский период выделяются следующие формы конфликтов между властью и горожанами: заявления и жалобы в местные и центральные контрольные органы, обращения в высшую власть в Москве, письма в редакции газет и журналов. Рабочие на страницах периодических изданий и в жалобах в вышестоящие органы власти сообщали о злоупотреблениях, волоките и перегибах местной власти, ущемлении интересов рабочего класса. Самозаселение в 1920-е гг. стало тактикой борьбы рабочих с жилищным кризисом. Поводом к конфликтам становилось неравномерное распределение

квадратных метров, неправильная муниципализация, волокита в местных госучреждениях и злоупотребления местной власти.

4. Жилищный кризис обострил отношения между соседями. В условиях дефицита жилья горожане были готовы вести «жилищные войны» для того, чтобы занять более комфортное жилое помещение. Доносы, жалобы, ссоры, склоки, хулиганские выходки и причинение материального ущерба соседям вошли в обиход горожан в период НЭПа.

5. 1920-е гг. – период трансформации семейно-брачных отношений. Новая власть пыталась создать новую модель семьи, построенную на равноправии супругов. Большевики для реализации этой идеи провели ряд реорганизаций в семейно-брачных отношениях. Так, церковный брак был заменен гражданским, в 1918 г. был принят новый семейный кодекс, женщина была уравнена в правах с мужчиной, получила право социальной защиты, в помощь матерям были организованы детские ясли и общественные столовые. Однако, несмотря на прогрессивное законодательство, женщина все еще оставалась незащищенной и зачастую подвергалась дискриминации со стороны супруга. Печальным результатом новой семейной политики стало не столько раскрепощение женщины, сколько стимуляция половой распущенности.

6. Нерешенность «жилищного вопроса» и новая политика власти в области семейно-брачных отношений стали причинами конфликтов во многих семьях. В раннесоветский период можно выделить следующие виды нездоровых отношений между супругами: внутрисемейное насилие, ссоры, измены, пьянство, уход из семьи.

Соответствие диссертационного исследования Паспорту специальностей ВАК. Квалификационная работа выполнена в рамках специальности 07.00.02 Отечественная история. Область исследования: п. 4 – «История взаимоотношений власти и общества, государственных органов и общественных институтов России и ее регионов.»; п. 6 – «История повседневной жизни различных слоев населения страны на соответствующем этапе ее развития»; п. 19 – «История развития российского города и деревни»; п. 25 – «История государственной и общественной идеологии, общественных настроений и общественного мнения».

Теоретическая значимость исследования заключается в систематизации концептуальных подходов к истории повседневности, проблеме социального конфликта, а также комплексном анализе жилищных конфликтов в городском пространстве повседневности в раннесоветский период. Материалы работы могут быть использованы исследователями в рамках данной проблематики. Отдельные сюжеты исследования могут стать основой для дальнейшей научной разработки проблемы.

Практическая значимость результатов исследования состоит в возможности использовать собранный материал при изучении советского периода в образовательных учреждениях, при подготовке учебных пособий для студентов, в научно-просветительской работе. Результаты исследования

могут стать полезными и для органов государственной и муниципальной власти при анализе современных жилищных конфликтов.

Апробация результатов исследования. Промежуточные и итоговые результаты диссертационного исследования обсуждались на заседаниях кафедры новейшей отечественной истории Кубанского государственного университета.

Основные положения и выводы диссертации были изложены автором в 17 научных публикациях, включая 3 опубликованные в журналах, входящих в перечень ВАК. Общий объем публикаций – 10 п.л. В докладах и сообщениях на 13 конференциях международного, всероссийского и регионального уровней автором были представлены различные аспекты диссертационного исследования.

Отдельные аспекты исследования реализованы в работах по стипендии для аспирантов Германского исторического института в Москве (сентябрь 2013 г.) и гранту Российского гуманитарного научного фонда по коллективному исследовательскому проекту («Чувства под контролем: повседневность провинциального города 1920-1930-х годов в ракурсе культурной истории эмоций» № 14-01-00239а) (руководитель проекта – А.Ю. Рожков).

Структура работы. Диссертация состоит из введения, трех глав, заключения, списка использованных источников и литературы, списка сокращений и приложений.

2 ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **Введении** обосновывается актуальность темы; определены объект и предмет исследования, его хронологические и территориальные рамки, степень изученности темы, цели и задачи; раскрыта теоретико-методологическая основа работы; дана характеристика источников; раскрыты положения, выносимые на защиту; определены научная новизна, теоретическая и практическая значимость; охарактеризована степень апробации результатов исследования.

В Первой главе «Теоретико-методологические основы исследования» рассматриваются два фундаментальных вопроса исследования: мир повседневности как предмет исторических исследований и концепции конфликта в социально-гуманитарных науках.

В первом параграфе – «Мир повседневности как предмет исторических исследований» рассматриваются теоретико-методологические аспекты истории повседневности. История повседневности сегодня является одним из самых популярных направлений исторического и социально-гуманитарного знания. Повседневность является предметом целого комплекса научных дисциплин: социологии, психологии, филологии,

философии и истории. Однако на сегодняшний день не существует единого подхода к определению понятий «повседневность» и «история повседневности».

История повседневности существует как направление с конца 1960-х гг. XX века. Первоначально она возникла как общественное движение в Германии на волне интереса рядовых немцев к прошлому своей страны. История повседневности сделала объектом своего изучения «маленького» человека. Впервые историки обратили внимание на разнообразные сферы жизнедеятельности человека, его чувства и эмоции. Исследователи повседневности рассматривают многообразные аспекты будничной жизни людей. Они стремятся вскрыть скрытое, используя потенциал «устной истории». Историки повседневности выступили против трактовки прошлого как истории власти, государства. История повседневности тяготеет к локальной истории, к истории маленьких сообществ, к семейной истории. В ней человек одновременно выступает как субъект и как объект исследования. История повседневности погружает читателя в океан мелочей, тем самым создавая иллюзию, что история – это картинки из жизни и быта «маленьких» людей. Именно за эту специфику «историю снизу» подвергают резкой критике сторонники традиционной исторической науки.

На сегодняшний день в теоретико-методологической основе истории повседневности существует ряд нерешенных вопросов. Во-первых, что понимать под термином «история повседневности»? Один из теоретиков повседневности А. Людтке признался, что название «история повседневности» далеко не идеальное. Но, тем не менее, оно оправдывает себя краткостью и содержательностью формулировки. Во-вторых, насколько понятия история повседневности, историческая антропология, микроистория тождественны? История повседневности заимствовала идеи, подходы и методы из смежных дисциплин: социальной истории, исторической антропологии, гендерной истории и микроисторического подхода. В результате границы между этими дисциплинами стали размыты. Многие исследователи ставят знак равенства между ними, что, на наш взгляд, совершенно недопустимо. История повседневности, историческая антропология, социальная история – это разные области исторического знания, с разными объектами изучения, с различающейся методологией.

В историографии существуют два подхода понимания истории повседневности. Первый – бытописание, мало чем отличающееся от этнографического подхода. В термине «повседневность» десятилетиями виделось просторечное выражение, а не философская категория. В будничной жизни русским философам виделось все больше «болото и тоска». Для данного подхода характерно заострение внимания на отдельных аспектах человеческого быта: описание одежды, жилища, еды, праздников. Второй подход – антропологический, рассматривающий повседневность как историю «маленьких» людей. Историки пытаются понять, каким образом обыватели осваивали суровый мир, в котором им довелось жить и приспособиваться к

нему. Именно данную трактовку повседневности мы возьмем за основу диссертационного исследования.

Во втором параграфе – «Концепции конфликта в социально-гуманитарных науках» рассматриваются теории конфликтов в трудах психологов, социологов, философов, историков, конфликтологов и др. В современной науке нет единого определения термина «конфликт». В конфликтологии под конфликтом понимается острое столкновение интересов, целей и взглядов, приводящее к противодействиям субъектов конфликта и сопровождаемое негативными чувствами с их стороны. В социологии конфликт рассматривают как открытую борьбу между индивидами и/или группами в обществе, между государствами-нациями. В психологии конфликт понимается как отсутствие согласия между двумя или более сторонами. Социальный конфликт представляет собой открытое противоборство, столкновение двух или более субъектов социального взаимодействия, причинами которого являются несовместимые потребности, интересы и ценности. В диссертационном исследовании мы рассмотрим социальные, межличностные и семейные конфликты. Следовательно, необходимо учитывать подходы к трактовке понятия конфликта из разных областей научного знания, поэтому для нас важно рассмотреть различные теории конфликтов и попытаться прийти к максимально возможному единому знаменателю.

Условно теорию конфликтов можно разделить на две группы. Первая группа рассматривает конфликт как деструктивное явление (Т. Парсонс). Вторая группа видит в конфликте здоровый процесс, которым можно управлять (У. Макдугалл, Э. Дюркгейм, Г. Зиммель, Л. Козер и др.).

Вторая глава «Жилищная политика советской власти и ее последствия» посвящена исследованию жилищной политики в первое десятилетие после установления советской власти. Рассматривается «жилищный вопрос», мероприятия, которые проводила новая власть в рамках новой жилищной политики и взаимоотношения власти и обывателя на фоне жилищного кризиса.

В первом параграфе – «Жилищный вопрос как социальная проблема» дается характеристика жилищной политики советской власти в раннесоветский период. Проблемы, которые накапливались в период царизма, обострились с приходом новой власти. 1920-е гг. – это время острого жилищного кризиса. По данным статистики, Краснодар был вторым городом в Советской России по остроте жилищного кризиса. На протяжении 1920-х годов Москва, Краснодар, Ростов-на-Дону и Армавир имели практически одинаковые показатели по среднему распределению квадратных метров на человека. Для того, чтобы удовлетворить всех нуждающихся жильем, было необходимо построить второй Краснодар. В целом по стране в 1920-е гг. только 13,5 % рабочих имели жилую площадь, соответствующую санитарным нормам.

Основными причинами жилищного кризиса на территории Кубани и

Черноморья были особенности роста южных городов, последствия Гражданской войны, жилищная политика власти, рост урбанизации, естественное разрушение жилья и высокий прирост населения.

После Октябрьской революции, стараясь разрешить «жилищный вопрос», советская власть взяла курс на новую жилищную политику. Так, в декабре 1917 г. были запрещены все сделки с недвижимостью. В августе 1918 г. была ликвидирована частная собственность на недвижимое имущество в городах. По всей стране началось выселение «бывших» и вселение в их квартиры рабочих (в Краснодаре эта акция проводилась после окончательного установления Советской власти в 1920-1921 гг.). Изначально жилая площадь для «бывших» ограничивалась одной комнатой из расчета на двух человек. Однако комнаты в домах буржуазии достигали 25–40 кв. м. Размещать одного-двух человек в такой большой комнате было нецелесообразно. С одной стороны, у власти не было ресурсов, чтобы обеспечить всех нуждающихся комнатами в 20 кв.м. С другой стороны, «квартирный передел» преследовал и политические цели: власть стремилась наделить рабочих достойным жильем как символом действующего господства. Поэтому почти сразу же была введена норма распределения жилья в 10 кв. м, по мере роста жилищного кризиса эта норма сокращалась. Комнаты, превышающие эту норму, были «уплотнены».

При «уплотнении» гражданам давалось две недели, чтобы подыскать себе сожителя. В случае, если за две недели квартира не была «уплотнена», жилищные отделы производили принудительное «уплотнение».

В стране было создано два жилищных сектора – государственный и частный. Все муниципализированные домовладения передавались на основании субарендного договора жилищно-арендным кооперативным товариществам (ЖАКТ). Комнаты, сдаваемые ЖАКТ, не всегда соответствовали элементарным санитарным нормам: темные, сырые, с низким потолком и цементным полом. Однако именно жилищный фонд ЖАКТ был более востребован из-за низкой арендной платы. Частный сектор составляли демуниципализированные домовладения, которые сдавались внаём по рыночным ценам.

В 1920-е годы появились Жилищно-строительные кооперативные товарищества (ЖСКТ), которые ведали строительством новых жилых домов. Однако для большинства граждан жилищная кооперация оказалась непосильным бременем.

Во втором параграфе – «Взаимоотношения власти и обывателя в условиях жилищного кризиса» анализируются мероприятия власти по решению «жилищного вопроса» и рассматриваются жилищные конфликты между обывателем и властью.

Нерешенность «жилищного вопроса» спровоцировала рост конфликтов между рабочим классом и властью. Советская власть декларировала, что задача нового правительства состоит в том, чтобы улучшить положение трудящихся, в том числе решить жилищные проблемы.

Однако в реальности жилищная политика советской власти не обошлась без злоупотреблений. В контрольные органы постоянно поступали жалобы на несправедливое распределение жилой площади, волокиту, ошибочную муниципализацию, притеснения трудящихся.

Рабочие отчетливо показали власти, что не будут молчать и мириться с несправедливостью и ущемлением своих прав. Жалобы и заявления в контрольные органы, письма в редакции газет и журналов, «обращения во власть» в Москве и самозаселение стали формами проявления конфликтов между обывателем и властью. Рабочие, принимавшие активное участие в революции и Гражданской войне, рассчитывали, что их социально-экономическое положение изменится в лучшую сторону. Однако в раннесоветский период власть не смогла решить все социальные проблемы, в том числе и жилищную.

Своеобразной формой протеста городского обывателя стало самозаселение. Советское правительство рассматривало жилье как своеобразную форму поощрения или наказания. Органы власти разработали жесткую систему распределения жилья, нарушение которой каралось Административным или Уголовным кодексами. Прибывая в новый город по назначению, приезжий вступал в жилищное товарищество и ждал, когда освободится комната. Однако наиболее активная часть рабочих не хотела мириться с данным порядком, и самостоятельно находила себе жилье. Узнав о свободной жилой площади, они тут же вселялись, не утруждая себя расспросами о том, где находятся предыдущие жильцы. Несмотря на то, что самозаселение считалось преступлением, самозаселенцы не только не чувствовали за собой никакой вины, но и находили оправдания своим поступкам.

В третьей главе «Жилище как поле конфликтов» основное внимание уделено анализу влияния жилищного кризиса на повседневную жизнь горожан в 1920-е гг., в частности на взаимоотношения супругов и обитателей муниципализированных домовладений.

В первом параграфе – «Конфликтные ситуации между соседями в муниципализированных домовладениях» исследуются конфликтные ситуации среди жильцов ЖАКТ. Итогом жилищной политики большевиков стал рост жилищного кризиса, который привел к «жилищным войнам».

Результатом «уплотнения» стало появление коммунальных квартир. Состав жильцов дома складывался стихийно. Рядом друг с другом, порой в одной квартире или комнате, жили люди никак не связанные между собой: рабочие, профессура, творческая интеллигенция, «бывшие», служащие, красноармейцы, партийные работники и т.д. Скученность в коммуналках стала источником стрессов и агрессии, что в конечном итоге становилось одной из причин жилищных конфликтов. Обыденность коммуналок лишила своих жильцов скрытой личной жизни. Самые потаенные стороны быта становились достоянием жильцов всего дома.

Конфликты между соседями носили открытый и довольно

ожесточенный характер. Соседи буквально выживали друг друга из занимаемых комнат. Доносы, ссоры, жалобы начинают входить в обиход обитателей ЖАКТ. Основными причинами жилищных конфликтов среди обитателей муниципализированных домовладений были повышение квартирной платы, эмоциональная несовместимость и новая жилищная политика советской власти.

Будучи не в состоянии содержать весь жилищный фонд, власть проводит политику демунципализации. Часть жилищного фонда перешла в частные руки. Как правило, это были полуразрушенные строения, требующие капитального ремонта, за которые было необходимо выплачивать налоги и платить полную квартирную плату. При этом правительство четко регламентировало, кто должен селиться в таких домах, и какую оплату брать. К такому жилью вчерашние жители бараков относились хищнически, что приводило к ссорам и скандалам. Новые хозяева, стремясь спасти свое имущество, запирали сараи, отхожие места, что становилось источником конфликтов.

Советские граждане, зная жилищное законодательство, вернее, ту его часть, которая касалась выселения, активно защищали свои права. В конфликтные комиссии поступали сведения, порой не всегда правдивые, о лишней жилой площади, некоммунистическом поведении, преступлениях, о связи с «чуждым элементом» и «врагах народа». Как правило, 90 % таких сведений были ложными. Жалобщики преследовали одну единственную цель – выселить соседей. Подобного рода заявления подавались в период чистки партии, что гарантировало особое рассмотрение. В 1920-е гг. нормой становятся и анонимные доносы.

Во втором параграфе – «Влияние жилищного кризиса на внутрисемейные конфликты» рассматривается влияние жилищного кризиса и новой семейной политики на взаимоотношения в семье. Новая жилищная политика и трансформация семейно-брачных отношений стали катализаторами семейных конфликтов. Попытки власти разрушить традиционный патриархальный брак, изменить отношение к женщине в обществе привели к половой распущенности, увеличению числа разводов и к деградации семейных ценностей.

Конфликты в семье неизбежны, они присутствуют в каждой семье и при определенных условиях способствуют укреплению отношений. Однако в раннесоветский период внешние факторы обострили внутрисемейные проблемы, которые в конечном итоге стали причинами распада семейных пар.

Большевики стремились освободить женщину от домашнего рабства и изменить ее положение в обществе. Женщина была уравнена в правах с мужчиной, женский труд должен был оплачиваться наравне с мужским. В помощь работнице были созданы ясли, общественные столовые и прачечные. Законодательно женщина также стала более защищенной. Так, женщина могла потребовать алименты с бывшего супруга, уйти в оплачиваемый

декретный отпуск, сохранить свое имущество при разводе. Однако в советской действительности 1920-х гг. женщина продолжала оставаться незащищенной и зависимой от мужа в психологическом и материальном отношении. На протяжении 1920-х гг. наблюдался рост безработицы. Основными формами семейных конфликтов стали насилие, пьянство, ссоры, измены и уголовные преступления.

Позволив обывателю думать, что он получил полную свободу во всех сферах жизнедеятельности, новая власть тем самым катализировала деградацию семейных устоев. Не справляясь с семейными трудностями и моральной ответственностью, мужья сбегали из семьи, в которой было необходимо кормить не только неработающую жену, но и детей.

Жилищные условия в раннесоветский период стали предметом конфликта между супругами. При расставании одному из супругов было негде жить. Поэтому нередкими были случаи, когда муж выгонял из квартиры жену с маленькими детьми на улицу. Эмоциональная неподготовленность к реалиям жизни, менталитет и культурный уровень толкали представителей сильного пола решать проблемы, которые накопились в семье, радикальным способом.

В Заключении работы обобщены итоги исследования, изложены выводы.

1920-е гг. рассматриваются нами как период жилищного кризиса, причиной которого отчасти стала новая жилищная политика: политика принудительного уплотнения, введение дифференцированной платы и распределения квадратных метров, создание ЖАКТов и др.

Анализ источников привел диссертанта к выводу о том, что жилищный кризис спровоцировал рост жилищных конфликтов между соседями, супругами, обывателем и властью. Жилищные конфликты в раннесоветский период несли как конструктивное начало, так и деструктивное. В условиях «жилищного голода», когда под одной крышей были вынуждены жить люди разного культурного, социального, политического и экономического уровня, конфликты несли в себе эффективный способ эмоциональной разрядки. С другой стороны, жильцы муниципализированных домовладений нередко намеренно провоцировали конфликты, чтобы улучшить свои жилищные условия.

На основе собранных архивных документов были проанализированы конфликты на разных уровнях. Нерешенность «жилищного вопроса» в интересах рабочих спровоцировала рост конфликтов между обывателем и властью. В раннесоветский период выделяются следующие виды конфликтов между властью и городскими обывателями: заявления и жалобы в местные и центральные контрольные органы, обращения «во власть» в Москве, письма в редакции газет и журналов

Жилищный кризис обострил отношения между соседями. В условиях дефицита жилья горожане были готовы вести «жилищные войны» друг с

другом. Неудивительно, что доносы, жалобы, ссоры, склоки, хулиганские выходки и причинение материального ущерба соседям прочно вошли в обиход горожан в период НЭПа.

В первое десятилетие после установления советской власти обострились и внутрисемейные отношения. Ссоры, измены, пьянство, уход из семьи и уголовно наказуемые деяния стали постепенно социальной нормой в 1920-е гг.

Приложения включают таблицы, диаграммы и фотоматериалы, иллюстрирующие состояние жилищного фонда в раннесоветский период.

Основные положения и выводы диссертации отражены в следующих публикациях автора:

Статьи, опубликованные в изданиях, рекомендованных ВАК Министерства образования и науки РФ:

1. Микуленок, Ю.А. Жилищные конфликты в советском обществе 1920-х гг (на примере Юга России) / Ю.А. Микуленок // Теория и практика общественного развития [Электронный ресурс]. – 2014. – № 1. – Режим доступа: http://teoria-practica.ru/rus/files/arhiv_zhurnala/2014/1/istoriya/mikulenok.pdf. (1,03 п.л.)

2. Микуленок, Ю.А. Жилищная политика советской России в 1920-е годы на примере Юга России / Ю.А. Микуленок // Культурная жизнь Юга России. – Краснодар: 2014. – № 3. – С. 119-123. (1,2 п.л.)

3. Микуленок, Ю.А. Семейные конфликты и эмоциональный мир супругов в советской действительности в 1920-е годы (на материалах Кубани) / Микуленок Ю.А. // Теория и практика общественного развития / Ю.А. Микуленок. – [Электронный ресурс]. – 2014. – № 19. – Режим доступа: http://teoria-practica.ru/rus/files/arhiv_zhurnala/2014/19/history/mikulenok. (1,4 п.л.)

Статьи, опубликованные в других научных изданиях:

4. Микуленок, Ю.А. Понятие «история повседневности» в отечественной исторической науке: краткий обзор / Ю.А. Микуленок // Фелицынские чтения (XIV). История советского периода в контексте современного социогуманитарного знания. Материалы региональной северокавказской научно-практической конференции (Краснодар, 24 – 26 октября 2012). – Краснодар: ООО «Вика-Принт», 2012. – С. 39-42. (0,7 п.л.)

5. Микуленок, Ю.А. Женщина и формирование «нового» типа семьи в СССР в 1920-е годы / Ю.А. Микуленок // Общество. Гендер. История. Сборник статей и тезисов докладов III всероссийской научной конференции (июнь 2013). – Липецк: изд-во «Гравис», 2013. – С. 44-46. (0,3 п.л.)

6. Микуленок, Ю.А. Жилищный вопрос в СССР в период НЭПа (на примере г. Краснодара) / Ю.А. Микуленок // Ломоносов-2013. Материалы международного молодежного форума. [Электронный ресурс]. – М., 2013. – 1 электронный оптический диск (DVD-ROM), 12 см. (0,2 п.л.)

7. Микуленок, Ю.А. Пьянство как фактор нерешенности жилищной проблемы в СССР в 1920-е годы / Ю.А. Микуленок // Археология, этнография и краеведение Северного Кавказа. Материалы 19-й Всероссийской научно-практической конференции. – Армавир: АФ ГБОУ ККИДППО, 2013. – С. 57-59. (0,5 п.л.)

8. Микуленок, Ю.А. Политика социального обеспечения советской власти в 1920-е годы (на примере юга России) / Ю.А. Микуленок // Materiały IX Międzynarodowej naukowo-praktycznej konferencji “Wykształcenie i nauka bez granic – 2013” Volume 19. Historia.: Przemysł. Nauka i studia, 2013. – С. 16-18. (0,6 п.л.)

9. Микуленок, Ю.А. Роль и статус женщины в советском обществе в 1920-е годы (на примере Юга России) / Ю.А. Микуленок // Общество. Гендер. История. Сборник статей и тезисов докладов IV Всероссийской научной конференции (декабрь 2013). – Липецк: изд-во «Гравис», 2013. – С. 24-27. (0,4 п.л.)

10. Микуленок, Ю.А. Семейно-брачные отношения в советской России в 1920-е годы / Ю.А. Микуленок // Семья в традиционном и современном обществе: этнокультурный и социально-исторический опыт: материалы Международной научно-практической конференции. – Краснодар: КубГАУ, 2013. – С. 64-69. (0,7 п.л.)

11. Микуленок, Ю.А. «Продажная любовь» – проституция в Краснодаре в период НЭПа / Ю.А. Микуленок // Гендерна політика міст: історія і сучасність. Вип.4. Матеріали III міжнародної науково-практичної конференції. – Харків, 2013. – С. 145-147. (0,4 п.л.)

12. Микуленок, Ю.А. Женский вопрос в СССР в 1920-е годы (на примере юга России) / Ю.А. Микуленок // Пол. Политика. Поликультурность. Гендерные отношения и гендерные системы в прошлом и настоящем. Материалы Седьмой международной научной конференции РАИЖИ и ИЭА РАН. – Рязань, 2014. –С. 271-274. (0,6 п.л.)

13. Микуленок, Ю.А. Жилищная политика Советской России в 1920-е годы (на примере Юга России) / Ю.А. Микуленок // Исторические документы и актуальные проблемы археологии, источниковедения, российской и всеобщей истории нового и новейшего времени: сборник материалов IV Международной конференции молодых ученых и специалистов «Клио-2014». – М., 2014. – С. 275-278. (0,5 п.л.)

14. Микуленок, Ю.А. Жилищные конфликты 1920-х годов как результат самовольного заселения (на материалах юга России) / Ю.А. Микуленок // Социальная история российской провинции: материалы Всероссийской научной конференции. – Ярославль: ЯрГУ, 2014. – С. 111-113. (0,6 п.л.)

15. Микуленок, Ю.А. Жилищный кризис как одна из причин семейных конфликтов в Советской России в 1920-е годы (на примере Юга России) / Ю.А. Микуленок // Ломоносов-2014. Материалы международного молодежного форума. [Электронный ресурс]. – М., 2014. – 1 электронный оптический диск (DVD-ROM), 12 см. (0,2 п.л.)

16. Микуленок, Ю.А. Эмоциональный мир советской женщины в 1920-е годы (на примере Юга России) / Ю.А. Микуленок // Голос минувшего. – 2014. – № 3-4. – С. 111-114. (0,6 п.л.)

17. Микуленок, Ю.А. Эмоциональный мир обитателей муниципализированных домовладений в период НЭПа (на примере юга России) / Ю.А. Микуленок // Школа-конференция молодых ученых ИРИ РАН, март 2015. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.mkonf.iran.ru/papers.php?id=206> (0,6 п.л.)

Микуленок Юлия Андреевна

**ГОРОДСКАЯ ПОВСЕДНЕВНОСТЬ В РАННЕМ СОВЕТСКОМ
ОБЩЕСТВЕ В РАКУРСЕ ЖИЛИЩНОГО И ВНУТРИСЕМЕЙНОГО
КОНФЛИКТА (ПО МАТЕРИАЛАМ КОНТРОЛЬНЫХ ОРГАНОВ
КУБАНИ И ЧЕРНОМОРЬЯ 1920-Х ГОДОВ)**

Автореферат

диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук